

СКАЗАНИЯ О ЧЕРНОКНИЖНИКЕ ТВАРДОВСКОМ В ПОЛЬШЕ, НА УКРАИНЕ И В РОССИИ И НОВОНАЙДЕННАЯ «ИСТОРИЯ О ПАНЕ ТВЕРДОВСКОМ»

Во время занятий в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве наше внимание привлекла небольшая тетрадка из Музейского собрания под № 3079, без переплета, форматом в 4°. Чернильные пометы на л. 1 позволяют определить, что эта рукопись поступила в ГИМ в 1909 г. и первоначально имела инвентарный номер 45937, некогда была куплена за два рубля; имеется также штамп наверху того же листа с именем владельца: «Василия Михайловича Кашкарова библиотека». Шестнадцать ее листов исписаны мелкой скорописью середины XVIII в. На листах 1—13 об. мы прочитали текст известной русской повести конца XVII в. о Савве Грудцыне (1-й вариант 1-й редакции по М. О. Скрипилю [1]). А далее, на листах 14—16 об. следовал текст неизвестной «Истории о пане Твердовском и его славных действиях».

Новонайденную «Историю» мы попытались прежде всего соотнести с существующими в польской и русской традициях сказаниями о чернокнижнике пане Твардовском. Эти сказания начали складываться в Польше во второй половине XVI в., развивались и обростали новыми подробностями на протяжении нескольких веков, вбирая в себя различные темы и мотивы произведений польского фольклора, а также легенд средневековых литератур Европы. Возникшие таким образом сказания о пане Твардовском находятся в ряду мировых легенд о таких чернокнижниках как староперсидский Зохак, византийский Теофил, кельтский Мерлин, испанский Киприан, итальянский Карул, чешский Жито, немецкий Фауст. Начиная с первой четверти XIX в., они стали привлекать к себе внимание ученых фольклористов, этнографов, историков литературы и общественной мысли и т. п. Одни из них объявили Твардовского фантастической копией немецкого Фауста, одетого в польский кунтуш и с саблей на боку [2—4], — биография Фауста по-польски вышла в свет уже в 1587 г. — другие стали искать прототип Твардовского в польских средневековых преданиях (Skarbnik, Piotr Dunin, Madejowa Ioz, Belfagor) и даже в сочинениях римского поэта Вергилия [5—8]. Первый сводный текст сказаний о Твардовском опубликован лишь в 1837 г. в труде известного польского фольклориста и историка литературы Казимежа Владислава Вуйчицкого [9]¹.

История пана Твардовского началась в Кракове, где по преданию и сам Иоганн Фауст учился черной и белой магии в университете. В начале

¹ Переиздания труда К. В. Вуйчицкого вышли в 1851 и 1876 гг.; хронологически новейшим является комментированное издание 1972 г. [10]; подробный вариант сводного текста представлен в другой работе К. В. Вуйчицкого [11]. Ср. также [12]; русский пересказ см. [13]; современный русский перевод [14].

XVI в. в Краковском университете преподавалась даже нигромантия, т. е. наука о вызывании духов.

В сводном тексте Вуйчицкого рассказывается о том, что в Кракове жил добрый шляхтич, правдивый и чистый кармазин, «служивший мечу и кадилу» и лечивший простой народ. В свободное от врачебных занятий время Твардовский изучал чернокнижие, мечтая найти лекарство, которое заставило бы отступить смерть. Он очень хотел также приобрести обширные знания. Узнав из старой книги как вызвать дьявола, Твардовский однажды в полночь добился встречи с ним на горе Кшеменке и заключил с дьяволом договор, подписав его своей кровью. Согласно этому договору нечистый должен был выполнять любые желания шляхтича, но если тот попадет в Рим, то дьявол имеет право завладеть его душой. Твардовский отдает дьяволу различные приказания: свезти серебро изо всей Польши в рудник Олькуш и засыпать его песком, перевернуть Песчаную скалу и поставить ее тонким концом вниз и т. д. Твардовский получал все, что хотел: ездил на нарисованных конях, летал по воздуху без крыльев, скакал на петухе быстрее, чем на лошади, плавал со своей возлюбленной в лодке по Висле против течения без весел и паруса, зажигал от солнца на немецкой границе деревни на расстоянии в сто миль, вернул себе молодость с помощью чар и т. д. Женится Твардовский на молодой пани, разгадав ее загадку, а потом прогнал ее от себя. Пани Твардовская построила себе из глины домик на краковском рынке и торговала горшками и мисками. Твардовский приоделся, завел экипаж, богатый двор с многочисленной челядью, не имел недостатка и в золоте. Проезжая мимо краковского рынка, шляхтич всякий раз приказывал своим слугам разбивать горшки, которыми торговала его бывшая жена. Та в гневе проклинала его, а пан хохотал, сидя в своей красивой коляске. Сатане надоело исполнять желания Твардовского: подкараулив его в темном лесу, он потребовал поездки в Рим, а после отказа вырвал с корнем сосну и так сильно ударил шляхтича, что сломал ему ногу (отсюда прозвище Твардовского — «колченогий»). И все же дьявол перехитрил Твардовского: приехав по вызову к больному доктор Твардовский зашел в корчму, которая именовалась «Рим». Как только он переступил порог, на крыше раздалось громкое карканье ворон, ухање филина, крики сов. Твардовского встретил богато одетый господин, из-под шляпы которого выднелись рога, из-под башмаков торчали когти, сзади же болтался хвост. Твардовский понял, что это черт и пришел час расплаты. Чтобы отсрочить развязку, он взял на руки ребенка из колыбели. Тогда дьявол обратился к нему по-латыни: «*Quid cogitas, domine Twardowski? An nescis pacta nostra? Verbum nobile, debet ess stabile*». Шляхтич обязан сдерживать данное им слово. Твардовский подчинился. Дьявол схватил его когтями и вылетел с ним через трубу камина (по другой версии — проломав кирпичную стену) к небесам. Со страшной высоты Твардовский в последний раз увидел людей, свой Краков и родную землю. У него защемило сердце от боли. Внезапно на ум пришла мысль о спасении. Шляхтич начал тихим голосом напевать кантичку (годинку) в честь богородицы, которую помнил с детства. И она была услышана на земле и на небесах: святая дева спасла Твардовского. Но освободив его душу от адского огня, небо все же не захотело принять ее: Твардовский был осужден до судного дня скитаться между небом и землей.

В сказании о пане Твардовском польский народ внес немало национальных черт, включив в них даже элементы социальной сатиры.

Тема Твардовского в XIX в. была подхвачена польской литературой. В эпоху романтизма польские поэты обращались в поисках вдохновения к двум основным источникам — к европейской литературе и к народной поэзии. Баллада Адама Мицкевича «Пани Твардовская» (1821) [15] (современные издания — [16—17]), была написана в комично-бытовом духе, с использованием не только народных сказаний о Твардовском, но и сказок, вроде «*Jak baba diabła wyoposuła*» и баек, вроде «*Belfagoga*» о женитьбе черта на ведьме. Отбросив традиционную назидательскую концовку предания, Мицкевич «спасает» Твардовского иначе: герой требует от черта,

чтобы тот прожил год с пани Твардовской как с женой. Услыхав об этом, черт сам спасается от шляхтича бегством [18].

В 1825 г. Ян Непомуцен Каминский написал для львовского театра пьесу «Твардовский на Кшеменке», близкую по тексту народной легенде, но отличающуюся от нее широтой и драматизмом действия, а также большим числом персонажей [19].

Классик польской прозы Юзеф Игнацы Крашевский в 1839 г. создал пространную повесть о Твардовском, используя все взятые из народных книг предания о нем [20—23]. Были также попытки сценической и поэтической интерпретации этой повести у Антония Валевского (Злочув, 1894) и у Артура Оппмана (Варшава, 1905).

Юлиан Корсак в поэме «Чернокнижник Твардовский» (1840) представил шляхтича фантазером, соединившим в себе черты Манфреда и Фауста, но лишенным подлинной энергии и разума; дьявол здесь изображен в духе карикатуры — незадачливый философ, претендующий на роль глубокого мыслителя [24].

Густав Зелинский в небольшой поэме «Чернокнижник Твардовский» (1856) изобразил дьявола хитрым и измученным слугой, который пытается при первом удобном случае утащить шляхтича в пекло [25].

Видный историк, поэт и публицист Юзеф Шуйский опубликовал поэму «Пан Твардовский» [26—29]. Образы Твардовского и дьявола в ней весьма объемны и многогранны: первый — самоуверенный шляхтич, верящий только в свои идеалы и вызывающий дьявола на духовный поединок, второй — соединяет в себе черты четырех персонажей — польского домового, глубокомысленного арианского пресвитера, скептического дворянина и магната [30]. Упомянем еще мистику польско-украинского поэта Александра Грозы «Твардовский» (1873), где дьявол — только бледная копия гетевского духа отрицания [31].

Поэты начала XX в. также обращались к образу Твардовского. Леопольд Стафф в 1902 г. написал длинную поэму в пяти песнях — «Мастер Твардовский» [32—35], в которой отразились его символично-импрессионистические искания и философские размышления о смысле добра и зла. Сказания о Твардовском, собранные из народных книг, по крайней мере, дважды выходили в свет в США [36] и Польше [37].

Украина и Россия не остались безучастными к интересным сказаниям о польском чернокнижнике. Следы их бытования обнаруживаются в фольклоре и литературе, начиная, по крайней мере, с последней четверти XVIII в. Основные факты польско-украинских и польско-русских фольклорных и литературных связей, соотносимых со сказаниями о Твардовском, были выявлены и изучены в работе акад. М. П. Алексеева [38—39]. Мы позволим себе снова обратиться к этим фактам, расположив их в систематическом порядке и дополнив новыми.

1. В украинском фольклоре

1. В 1827 г. историк и литературный критик М. Т. Каченовский писал на страницах журнала «Вестник Европы»: «Герой баллады (имеется в виду баллада П. П. Гулака-Артемовского «Твардовский». — Ю. Б.) и его союз с бесом известны не менее в Польше и за Днепром, как в Малороссии и Украине: рассказы об удальстве Твардовского, об его приключениях слушаются с неослабным любопытством, и простодушные поселяне в досужные часы весьма охотно возобновляют чувство страха в своем сердце воспоминаниями о судьбе Твардовского» [40]. В балладах Мицкевича и Гулака ничего не рассказывалось об удальстве и приключениях Твардовского, не было в них и страшного рассказа о его судьбе. Стало быть, М. К. Каченовский действительно имел здесь в виду польские сказания из народных книг, имевшие хождение в украинском народе.

2. Около 1827 г. профессор Виленского университета И. Н. Лобойко посылал М. А. Максимовичу рукописный сборник западно-украинских песен, среди которых под № 2 числилась песня, которая «Згадує про бешкетника-чарівника, пана-кріпосника Твардовського» [41]. В своем изда-

нии М. А. Максимович не воспользовался, однако, присланной ему песней, и ее место заняла упомянутая выше баллада Гулака [42].

3. Польский историк В. А. Мацевский в 1830-е годы слышал от одного из русских генералов о том, что на Полтавщине возле города Лубен есть корчма под названием «Рим», где бесы якобы растерзали Твардовского [43—44]. Эта легенда не может восходить к балладам Мицкевича и Гулака, так как в них об этом ничего не говорилось.

4. В украинском фольклоре бытовала и в конце XIX в. была записана легенда о Твардовском-Повитовиче, который продал за деньги свою душу дьяволу и за это был осужден висеть между небом и землей [45]. Она также не восходит к балладам Мицкевича и Гулака.

II. В русской и украинской литературе.

Традиция Левшина

1. Русский сказочник В. А. Левшин около 1780 г. сочинил «Повесть об Алиоше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру» [46]. В ней он использовал окончание легенды о Твардовском, сильно его изменив. Он рассказывает о том, как Алеша, совершив многие свои подвиги, захотел «проехать сквозь великую Польшу, спрашивал он, прибыв во оную, о ближнем пути. Указывали ему кратчайшую дорогу, но уверяли, что она с 30 лет учинилась непроходимой, и объявляли причину онаго, что в середине леса, простирающегося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великой волшебник польский, который умерщвляет всех мимоходящих» [46, с. 209—210]. Попович ночует в капище и сражается с мертвецом. Затем ради жениха дочери Твардовского он оставил в замке Твардовского и отгоняет бесов от гроба чернокнижника. Этим Алеша избавляет покаявшегося чернокнижника от власти ада: теперь Твардовский может спокойно лечь в гроб и умереть. В благодарность за это чернокнижник вручает Алеше ключи от своих сокровищ, дарит перстень, благодаря которому можно сделаться невидимым, и предсказывает, что русский богатырь победит царь-девицу [46, с. 209—233].

Среди польских сказаний о Твардовском не зафиксировано ни одного, где бы богатырь сражался с бесами у гроба чернокнижника [5, с. 228—230].

2. Сын А. Н. Радищева Николай в 1801 г. опубликовал сказочно-богатырскую поэму «Альоша Попович» [47; 39, с. 192—193]. Содержание второй и третьей песен он заимствовал из одноименной повести Левшина. В дальнейшей поэмой Н. А. Радищева воспользовался А. С. Пушкин при создании «Руслана и Людмилы» [48].

3. М. Н. Загоскин дважды обращался к сказке Левшина: в первый раз когда он писал либретто оперы А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (1828) и второй раз — в «страшном рассказе» того же названия (1834) [49—51; 39, с. 193—194].

Традиция Мицкевича

1. Классик новой украинской литературы П. П. Гулак-Артемовский написал между 1825 и 1827 гг. балладу «Твардовский» [40; 52]. Это было яркое поэтическое произведение в духе романтизма и в подражание Мицкевичу. Только в отличие от последнего, Гулак еще более приблизил свое произведение к народному творчеству и украинскому быту².

2. В дальнейшем, благодаря Гулаку, в украинской, белорусской и русской литературах распространились различные переработки, переводы и вольные переложения известной баллады Мицкевича [53—55]. Белорусская баллада «Пані Твардоўская» распространялась даже в народе в рукописях.

Традиция Крашевского

1. Первый перевод повести Крашевского «Твардовский» принадлежит С. П. Победоносцеву и увидел свет в 1847 г. в журнале «Репертуар и пан-

² В дальнейшем текст баллады многократно переиздавался в составе сборников сочинений Гулака, например, в 1928, 1956, 1958, 1970 гг. и др.

нии М. А. Максимович не воспользовался, однако, присланной ему песней, и ее место заняла упомянутая выше баллада Гулака [42].

3. Польский историк В. А. Мацевский в 1830-е годы слышал от одного из русских генералов о том, что на Полтавщине возле города Лубен есть корчма под названием «Рим», где бесы якобы растерзали Твардовского [43—44]. Эта легенда не может восходить к балладам Мицкевича и Гулака, так как в них об этом ничего не говорилось.

4. В украинском фольклоре бытовала и в конце XIX в. была записана легенда о Твардовском-Повитовиче, который продал за деньги свою душу дьяволу и за это был осужден висеть между небом и землей [45]. Она также не восходит к балладам Мицкевича и Гулака.

II. В русской и украинской литературах.

Традиция Левшина

1. Русский сказочник В. А. Левшин около 1780 г. сочинил «Повесть об Алиоше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру» [46]. В ней он использовал окончание легенды о Твардовском, сильно его изменив. Он рассказывает о том, как Алеша, совершив многие свои подвиги, захотел «проехать сквозь великую Польшу, спрашивал он, прибыв во оную, о ближнем пути. Указывали ему кратчайшую дорогу, но уверяли, что она с 30 лет учинилась непроходимой, и объявляли причину онаго, что в середине леса, простирающегося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великой волшебник польский, который умерщвляет всех мимоходящих» [46, с. 209—210]. Попович ночует в капище и сражается с мертвецом. Затем ради жениха дочери Твардовского он останавливается в замке Твардовского и отгоняет бесов от гроба чернокнижника. Этим Алеша избавляет покаявшегося чернокнижника от власти ада: теперь Твардовский может спокойно лечь в гроб и умереть. В благодарность за это чернокнижник вручает Алеше ключи от своих сокровищ, дарит перстень, благодаря которому можно сделаться невидимым, и предсказывает, что русский богатырь победит царь-девицу [46, с. 209—233].

Среди польских сказаний о Твардовском не зафиксировано ни одного, где бы богатырь сражался с бесами у гроба чернокнижника [5, с. 228—230].

2. Сын А. Н. Радищева Николай в 1801 г. опубликовал сказочно-богатырскую поэму «Альоша Попович» [47; 39, с. 192—193]. Содержание второй и третьей песен он заимствовал из одноименной повести Левшина. В дальнейшем поэмой Н. А. Радищева воспользовался А. С. Пушкин при создании «Руслана и Людмилы» [48].

3. М. Н. Загоскин дважды обращался к сказке Левшина: в первый раз когда он писал либретто оперы А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (1828) и второй раз — в «страшном рассказе» того же названия (1834) [49—51; 39, с. 193—194].

Традиция Мицкевича

1. Классик новой украинской литературы П. П. Гулак-Артемовский написал между 1825 и 1827 гг. балладу «Твардовский» [40; 52]. Это было яркое поэтическое произведение в духе романтизма и в подражание Мицкевичу. Только в отличие от последнего, Гулак еще более приблизил свое произведение к народному творчеству и украинскому быту².

2. В дальнейшем, благодаря Гулаку, в украинской, белорусской и русской литературах распространились различные переработки, переводы и вольные переложения известной баллады Мицкевича [53—55]. Белорусская баллада «Пані Твардоўская» распространялась даже в народе в рукописях.

Традиция Крашевского

1. Первый перевод повести Крашевского «Твардовский» принадлежит С. П. Победоносцеву и увидел свет в 1847 г. в журнале «Репертуар и пан-

² В дальнейшем текст баллады многократно переиздавался в составе сборников сочинений Гулака, например, в 1928, 1956, 1958, 1970 гг. и др.

теон театров», издаваемом И. Песоцким под редакцией Ф. А. Кони [56]. В дальнейшем этот перевод был переиздан в 1859 [57] и 1884 гг. [58] в собраниях сочинений И. И. Крашевского в приложениях к журналу «Север» (1899—1902) и к журналу «Природа и люди» (1915).

2. Второразрядные русские беллетристы неоднократно пользовались текстом повести Крашевского для создания своих компиляций о Твардовском [59—60].

Традиция польских народных книг

1. Подлинные польские сказания о Твардовском по материалам польских народных книг первым пересказал на русском языке И. Боричевский [61], одним из его главных источников были «Klechdy» К. В. Вуйчицкого, которые вскоре были пересказаны С. П. Победоносцевым [13].

2. В дальнейшем к сказаниям о Твардовском обратился популярный лубочный литератор М. Е. Евстигнеев (ум. 1885 г.), чьи произведения расходились по России десятитысячными тиражами. «Жизнь и приключения пана Твардовского», сочиненные М. Е. Евстигнеевым на основе польских народных книг, а может быть, и с привлечением повести Крашевского, издавались в Москве лубочными издателями [62—65].

В последнее время распространенное мнение о ранней популярности сказаний о Твардовском на Украине и в России было поставлено под сомнение акад. М. П. Алексеевым. «Все попытки исследователей установить возможность родства ранних русских повестей с легендами о Твардовском,— пишет он,— оказались бесплодными. Сказания эти стали известны сначала из баллады Мицкевича и ее переработки на Украине. В 40-х годах их пересказал И. Боричевский. Но и эти пересказы не повредили популярности лишенной всякой философской содержательности компиляции В. Левшина 1780 года. Лишь появившийся в русском переводе в конце 1840-х годов роман Ю. Крашевского «Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий» (1847) познакомил русских читателей со всем циклом этих сказаний и вызвал, между прочим, весьма интересный отзыв В. Белинского» [39, с. 194].

Новонайденная Музейская рукопись «Истории о пане Твардовском и его славных действиях» 40-х годов XVIII в.³ позволяет внести коррективы в первую часть вывода. Прежде всего необходимо признать, что попытки некоторых исследователей установить возможность родства ранних русских повестей со сказаниями о Твардовском не были напрасными [68—70]. В их сопоставлениях по линии Фауст — Твардовский — Грудцын было и рациональное зерно. С повестью о Савве Грудцыне сказания о Твардовском роднит демонологическая тема: герой русской повести — сын устюжского купца Грудцына-Усова Савва продал свою душу дьяволу. Обманутый Названным братом (а на самом деле, сатаной), он изведal немало приключений и даже совершил подвиги на полях сражений; в конце концов, Савва был избавлен от адского огня Богородицей. В основе польской и русской демонологических легенд лежит мотив службы дьяволу человеку с коварным замыслом овладеть его душой. Этому замыслу не суждено осуществиться. И Грудцын, и Твардовский, два великих грешника, были спасены Богородицей по молитве к ней. В этом нетрудно заметить нечто общее. И в польских католических сказаниях, и в русских православных преданиях о деве Марии исключительное значение придается молитве, обращенной к ней.

Неудивительно поэтому, что неизвестный русский книжник переписал в 40-е годы XVIII в. текст «Истории о пане Твардовском» с недошедшего до нас оригинала сразу же вслед за «Повестью о Савве Грудцыне». Музейская рукопись, к сожалению, сохранила не весь текст произведения о Твардовском, а только его начало — последние листы тетради оказались безвозвратно утраченными. Сохранность текста на последней странице

³ Филиграния бумаги Музейского сборника — литеры «Р» и «Ф» в прямоугольнике, вписанном в картуш, может быть, относятся к 40-м годам XVIII в. (рольная фабрика М. Переяславцева). См. [66—67].

также неудовлетворительна: чернила местами выцвели, слова оказались стертыми, так что не весь текст в конце удастся прочесть.

Первый вопрос, который возникает у исследователя, следующий: с каким польским текстом следует сопоставить новонайденный русский текст? Такого текста нам пока найти не удалось. Предания о Твардовском складывались постепенно, периодически переходя то из фольклора в литературу, то из литературы в фольклор.

Записи преданий о Твардовском в XVI—XVIII вв. были немногочисленными. В 1565 г. Лукаш Гурницкий закончил в рукописи свою книгу «Дворянин польский», основанную на «Дворянине» Б. Кастильоне (1528) [71—72]. Здесь помещен небольшой рассказ об ученике Твардовского Шидловецком — «Чернокнижник и горшок» [73].

Иохим Поссел, лекарь короля Сигизмунда III, в своем рукописном сочинении «*Historia rerum polonicarum et pruthenicarum ab anno 1388 ad annum 1623*» (1624) сообщал, что Твардовский жил при дворе польского короля Сигизмунда II Августа, правившего с 1548 по 1572 г. Известно, что вскоре после смерти королевы Барбары Радзивилувны (ум. 1551 г.), он якобы вызывал ее дух по просьбе короля. Твардовский, — рассказывает Поссел, — был принужден уехать из Кракова в Быдгош, где совершил немало чернокнижных дел [10, s. 250]. Историчность личности Твардовского подтверждал и его современник — краковский епископ Франтишек Красиньский: он встречался с ним в Виттенберге, где будущий чернокнижник слушал лекции видного немецкого ученого Ф. Меланхтона, изучал алхимию и астрологию. Встречались они и в Кракове, где Твардовский служил конюшим при дворе Сигизмунда II; предполагают, что умер Твардовский в 1578 г. [74—77].

Кацпер Твардовский, известный писатель XVII в., в 1628 г. сочинил аллегорическую поэму под названием «*Pochodnia miłości Bożej z pięciu strażał ognistych*», в которой рассказывал о том, как Твардовский ходил в ад добывать у сатаны рукописание, данное дьяволу еще его отцом, Юзефом за то, что нечистый некогда избавил шляхтича от разбойников. В конце концов, — рассказывает К. Твардовский, — князь тьмы отдает рукописание юноше, но грозитя в отместку погубить его душу [78].

В 1734 г. иезуит Адам Нарамовский сообщил, что ксендз Даниель Бутвил знал и рассказывал о книге черной магии, принадлежавшей Твардовскому⁴ и замурованной в стене Виленской библиотеки; об этом же якобы слышал около 1620 г. ксендз Шпот [80—82].

Ни один из перечисленных здесь польских источников не имеет отношения к новонайденному нами русскому тексту, также как и к сводному польскому тексту Вуйчицкого. В отличие от последнего в русской «Истории» рассказывается о том, что сын благородного шляхтича Твердовский (в некоторых написаниях рукописи фамилия читается с искажением — «Твердомбо») обучался не в Кракове, а в «столичном полском городе Аршаве»⁵ в Академии⁶.

Согласно «Истории», Твердовский вовсе не обладал исключительными способностями, а напротив был ленив и нерадив, предаваясь «многим страстям». Поэтому к «восприятию наук» он «всегда яко истуканой в безуми пребывает». За это Твердовский был наказан главным профессором Академии: с согласия старого шляхтича он был посажен в карцер на хлеб и воду, прикован цепью к стене, принужден был принимать наказание розгами от каждого навещавшего его студента. Вот тогда Твердовский и взмолился о пощаде, призывая на помощь Люцифера, князя тьмы. Шляхтич обещал отдать ему свою душу в обмен за свободу и за знания. Дальнейшие события повести связаны с получением Твердовским от Люцифера огромных знаний, превосходящих человеческие. Через посредст-

⁴ Как доказал Е. С. Бандтке [79], эта «*Libet magnus*» оказалась сочинением XV в. Павла из Праги по прозванию Жидек, и вовсе не принадлежала Твардовскому.

⁵ Варшава стала столицей Польши в 1596 г.

⁶ Некоторые университеты в Польше назывались академиями: таковы академии Краковская (осн. 1364 г.), Виленская (осн. 1579 г.), Замойская (осн. 1595 г.), Львовская (осн. 1606 г.). В Варшаве в то время университета не было.

во своей «сверхнауки» Твердовский получает безграничную власть над людьми.

Середина и окончание повести не сохранились, поэтому мы не можем судить о том, какие именно приключения выпали на долю нашего героя. Мы расстаемся с ним в тот момент, когда по приказу польского короля и с согласия главного профессора Академии Твердовский отправляется во Францию вместе с двумя французскими королевичами в качестве их наставника. Судя по второй части заголовка повести — «о его славных действиях» — в произведении рассказывалось именно о славных, т. е. достойных дворянина поступках, имевших благоприятный исход.

Мотив чернокнижия, т. е. колдовства, столь характерный для польских сказаний о Твардовском, здесь оказывается исключенным.

В настоящее время мы не располагаем данными, которые позволили бы судить о том, каким именно был текст не дошедшего до нас польского источника повести, с которого русский книжник сделал свой перевод. Да и существовал ли такой перевод? Возможно, Музейская рукопись донесла до нас пересказ, переложение или свободное сочинение на тему о Твардовском. Мы склоняемся к последнему ответу. Язык «Истории» напоминает язык повестей петровской эпохи, когда сфера применения иностранных слов была необычайно широкой. В «Истории» мы встречаем такие слова, как «авантаж», «Академия», «акедром», «аспидная доска» (в значении «грифельная доска»), «комисия», «корман», «монарх», «шрезентовал», «профессор», «регулы», «резиденция», «рекомедацяя», «студент», «фомилия», «экземинацяя». Полонизмов в тексте «Истории» очень мало: «история» (hystoria), «тайность» (tajność), «вырозум» (от wyrozumieć), т. е. «понять». В синтаксисе повести находим канцеляризмы, свидетельствующие о принадлежности ее автора к чиновничьей среде, например: «Чего ради профессор собрав на Окодемию всех господ учителей и студентов, и призвав отца ево, обстоятельно говорил...», или: «Которой видя себя отвсюду помощи лишенный, не зная, что в жизни своей делать, во-первых, приносил слезное прошение праведному богу, дабы он по благословенному его руководящему благий промысл к получению науки своей желателно получил...».

В нашей повести звучит апология светских знаний и наук, столь характерная для произведений петровской эпохи. В одной из петровских повестей — «Гистории о некоем Шляхецком сыне, како чрез высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь и ковалерский чин, и како за добрыя свои поступки пожалован королевичем в Англии» — рассказывается об одном цесаре, устроившем у себя в чудесных зданиях «разных наук школы, в которых указал шляхецким, министрским и сенаторским детям быть в науке и по науке засесть место». Этого показало ему мало, и цесарь «собра отвсюду премудрыя учителя и определил им великий трактамент, чем убедил отвсюду великих учителей быть до оной Академии» [83, с. 295]. Овладение наукой, как тогда считалось, всегда сопряжено с обладанием высокими нравственными качествами и с совершением добродетельных поступков. Потому и этика — наука о поведении молодого дворянина — должна идти впереди других наук. Так считает и автор «Истории о пане Твердовском». Профессор Академии «начал первую науку», предоставляя Твердовскому «всеа добродетельные резоны, дабы он имел приятной смысл и желание к самоскорейшему восприятию науки». Ущербность личности Твердовского — преобладание низменных страстей — привела к потере «добрых благоприятностей», и как следствие этого — к невозможности «восприятия науки». Собственное «мнение» (а не светская наука!) толкает Твердовского на пагубный путь — в объятия нечистой силы, и побеждая движения разума и заглушая голос совести, он заключает сделку с сатаной. В итоге Твердовский овладевает высотами все той же светской науки, но какой ценой! — ценой отказа от райского блаженства и добровольного согласия на вечные адские муки. Геерой петровской «Гистории» шляхетский сын этих проблем не знает: безупречная личная добродетель приносит ему знания, но однако не приносит счастья. Причины тому — «подлое» происхождение и зависть

придворных. Твердовскому не грозит конфликт с родовитой знатью: он сам потомственный шляхтич. Он вступает в конфликт со всем миром вообще, бросая ему вызов своим сговором с нечистой силой. Так Твердовский получает знания нечестным путем. «И откуда взялся такой остроумный смысл, — читаем мы в „Истории“, — что через 4 часа не тоию все те знаемые науки учителем, но еще таковые обучил, которые во всем свете неслыханны были». И «Гистория о некоем Шляхецком сыне», как установила Г. Н. Моисеева [83, с. 150], и, вероятно, «История о пане Твердовском» были написаны в конце 20-х годов XVIII в., после 7 декабря 1725 г., когда в России была открыта Академия наук как научно-исследовательское и одновременно как учебное заведение, состоящее из трех классов — математики, физики, гуманитарных дисциплин [84]. Впрочем, указ Петра I об учреждении Академии наук был обнародован еще раньше — 28 января 1724 г.

В «Истории о пане Твердовском» об Академии рассказывается как об учебном заведении с профессором во главе, с учителями и учениками, или студентами. Любопытны и описания методов обучения, в которых главное место уделяется «довольному толкованию», задачам «на аспидной доске» при необходимости «твердить... заданья науки». Критерием знаний в Академии считалась проверка на практике, или экзамен. Профессор и учителя «учиняют» Твердовскому «экзаминацыю», чтобы убедиться в том, что он не напрасно провел время в карцере за учебниками (а на самом деле был всему обучен дьяволом).

Г. Н. Моисеева подчеркивает, что в «Гистории о некоем Шляхецком сыне» говорится о реализации просветительских замыслов Петра I: собранные «отовсюду премыдрья учителя позволили новой Академии прославиться славной и премудрой наукой во всем свете» [83, с. 134]. В «Истории о пане Твердовском» автор идет еще дальше, развивая тему «Академия — светоч наук», он искусно строит конфликт и использует при этом польское сказание о чернокожнике, бросившем вызов всему человечеству. В этом своеобразии построения новонайденной повести как художественного произведения на демонологический сюжет. Последний воспринят только внешне. Очевидно, что «История» принадлежит уже не средневековью, а литературе нового времени. Как именно происходит развязка конфликта в повести, мы не знаем. Дальнейшие поиски конкретных реалий русской действительности в дошедшем до нас отрывке повести затруднены. Имеется еще один аргумент в пользу датировки «Истории» 20-ми годами XVIII в. — упоминание указа, который получает профессор от польского короля. В этом факте следует усмотреть отражение русской жизни середины 20-х годов. Петр I считал, что Академия наук подчинена только ему и стало быть лишь царь может отдавать ей приказания.

Новонайденный нами текст «Истории о пане Твердовском» позволяет внести уточнения в упомянутый выше вывод акад. М. П. Алексева: некоторые из сказаний о пане Твардовском все же были известны в России за сто лет до появления баллад Мицкевича и Гулака, они нашли отражение в «Истории о пане Твердовском и его славных действиях». М. П. Алексеев замечает, «что у Левшина имя чародея „Твердовский“ и эта транскрипция удерживалась во многих последующих произведениях русской литературы, восходящих к левшинскому сборнику» [39, с. 191]. Такая транскрипция фамилии и в самом деле не случайна. Она связана с традицией русской рукописной повести, которую В. Н. Левшин очевидно знал. В настоящее время мы не можем судить о том, воспользовался ли Левшин заключительной частью «Истории о пане Твердовском» для своей сказки об Алеше Поповиче, поскольку в нашем распоряжении нет всего текста «Истории».

Приведем еще один любопытный литературный факт⁷. Русский автор третьей части любовно-авантюрных «Похождений... Совесть-Драла, Боль-

⁷ Благодарю польскую исследовательницу Э. Малек, обратившую мое внимание на этот литературный факт.

шого носа» рассказывает о том, что плут-комедиант Совесть-Драл «до того додумался, что как пан Твердовский, шляхтич польский, хотел дать на себя черту подписку» [85]. Вероятно, автор этого произведения второй половины XVIII в. также знал «Историю о пане Твердовском».

Итак, весь приведенный в нашей работе материал свидетельствует о непрерывности литературной традиции польских народных сказаний о Твардовском, вышедших из Польши и нашедших на Украине и в России свою вторую родину. В этом заслуга не только народных сказителей и бандуристов, но и неизвестных книжников, вроде автора русской повести. Важно осознавать, что незримые нити связали литературную современность наших народов с древним фольклором, а среди них есть и «нить Твардовского».

В приложении к настоящей работе мы публикуем текст новонайденной повести по Музейской рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

История о пане Твердовском и его славных действиях ⁸ (Рукопись ГИМ, собр. Музейское, № 3097, л. 14—16 об.)

В ⁹ самой резиденции или столичном полском городе В[аршаве] ¹⁰ один благородны шляхтич имел у себя сына, именованна пана Твердомбо ¹¹, котораго по обычному и обыкновению отдал для обучения наук в Академию, и при том просил главнаго профессора, дабы милостивое приложил старание ка обучению ево, за что он обязан есть безсмертно благодарить профессора. По такому ево сильному прошению приняв пана Твердомбо во Академию, и начал первую науку, представляя ему всеа добродетельные резоны, дабы он имел приятной смысл и желание к самоскорейшему восприятию науки. Однако ж вместо ожидаемаго благополучия и добраго плода, как можно было усмотреть, и многия раздающия страсти, которые побеждали молодого человека и отнимали у него все добрые благоприятности, профессор видит такое суровое приращение, весьма желателем был, как бы отвратил. Чего ради многократно наказан был розгами, и при том представляемы были науки доволным и толкованием. Точию пан Твердомбо ни малаго начала не имеет, но всегда яко истуканой в безумии пребывает. Чего ради профессор собрав ва Окодемию всех господ учителей и студентов и призвав отца ево, обстоятельно говорил: «Боже мой, я удивляюся такому безчеловечию, как сей человек, которой можно видеть приращение добраго и надобно б было ожидать израстающего плода, точию вместо ожидаемаго благополучия представляется живое свидетельство такова неразумия и нерадетельнаго промысла, о котором все свои радение прилагаа споро бы и при том сожелательно есть, что в таком случае будет делать, ибо никакие добродетельства, ниже жесточайшая наказания, в том ево пред всеми сказал: «Ну ¹², господин пан Твердомбо, последнее тебе говарю при твоём родителе и при всех господах учителей, ежели отныне впредаще не будет твоего желания ко обучению наук, в таком случае так с тобою поступлю, яко с нечестивым человеком и прикажу приковать тебя жестокими цепями, что ты ото всех чюствительное поругание принимать должен будешь». И тако бедной пан Твердомбо в последующем поругании остался. Через некоторое время присматриван был от профессора, точию ни малейшаго начала науки своей не восприял, через что прикован был великими цепями и умеренной пищею доволствован был в сутки, и к тому ж и входящих и исходящих учеников в знак наказания принимал от каждаго немилостивыя розгами удары. Которой, видя себя отвсюду помощи лишеныя, не знаа, что в жизни своей делать, во первых, приносил слезное прошение праведному богу, дабы он по благословенному его руковождению благий промысл к получению науки своей желателно получил, а потом и мнением своим рассуждал: «Ежели толко я праведнаго бога знат-

⁸ Заголовок киноарный.

⁹ В — киноарное.

¹⁰ Испр., в ркп. — Аршаве.

¹¹ Так в ркп.

¹² Н — киноарное.

но за грехи мои умилостивить не могу, то хотя б самой Люцифер разве- зал меня от таковых мучительных цепей избавил от сего погибелнаго не- счастья, каторое меня к самой смерти привлекает, и елико возможно, научил всем тем наукам, которым меня профессор обучает, то за оное обещаюсь и кленусь именем истиннаго христианина, как в нынешнем, так и в будущем веце, душею и живатом моим вовеки вечныя христиан- скою кровию служить и умирить, и в том долженствую себя узаконить и утвердить в непоколеблемое основание кровию моею.

Коль ¹³ скоро пан Твердобо такую важность подумал своим мнением, так скоро того вдруг отворились двери, в которые увидел пришедшего одного искуснаго француза, пребогатом платье, и хотя ево впервые от ро- ду видел, точию он в первом случае назвал его: «Пан Твердовской, здрав- ствуй», и при том ему говорил: «Я прошу объявить мне истинную спра- ведливость, что вы пред моим приходом мнением своим розсуждали, неже- ли родится ис таго самая правда, так вы скорей таго без всякаго труда свое желание получить можете». Пан Твердовской вырозум то, о чем ево тако инастранной человек спрашивает и наперед знает ево тайность, без вся- каго страха, но еще с прилежным прошением слово от слова объявил всю истинну, так вдруг мучащия цепи отпались и ево способным учинили и напоследок по ухищренной науки мнимаго француза, а подлиннаго Лю- цыпера, к вечному погублению возлюбленной жизни своей. И, не ведая души порезов душевную силу, и написал христианскою кровию смертную крепость дияволу, которой от него с великою радостию принял и поло- жил в сокровенной корман, предста ему разными образы в радосном ве- сели. И подлинно, как не веселитца было ему, что получил такой авантаж, купил драгоценейши душевный христиански товар за самою малейшею цену временныя жизни, отобрав у такого несмысленнаго отрока божест- венныя регуля своим диявольским предводителством, ослепил ясейшия очи, которые, не желая видеть неоцененнаго райскаго веселия, во тму неведения смотреть устремились. Еже так господину поущающу, диявол же действо свое исполняет, в тот же час, взяв аспидную доску, по которой бывает от профессора задачи наукам, начел его обучать. И откуда взялся такой остроумной смысл, что чрез 4 часа не точию все те знаемыя науки учителем, но еще таковые обучил, которые во всем свете неслыханны были. И тогда почювствовал в себе, что он справедливо свое желание получил, за то мнимаго своего учителя покорнейше благодарил. Он же напротив того во верность вручил ему одно прекраснаго малчика, подобнаго же себе, точию в представлении человеческого, с таким объявлением: «Ежели ему потребно будет денег или какого имения, то изволите объявлять сему малчику, который вам с радостию служить долженствует».

Вот ¹⁴ тогда профессор и прочие учителя собрались в Академию видить свободеннаго от цепей пана Твердовскаго, спрашивали: «Чего ради такое смелство взял собою свободитца?» Напротив чего отвечивал пан Твердовской: «Милостивые господа учителя, я сколко мог памятовать и твердить ваши заданыя науки, которые ныне помощью божескою совер- шенно обучил, и для таго мучащия цепи сами меня учинили свободным. Аще же вы мне в том поверить не изволите, то прошу учинить экзамина- цью». Профессор и все учинили продолжающее несчастье и превождению радостию с благополучием сказующею зело тем были доволны, и нимало оному удивлялись, что как чрез такое кароткое время все науки обучил, однако ж во верность того каждой учитель зачат от профессора ево экзе- миновал, точию он один по остроумному своему разуму против всякаго обстоя- телно отвечивал, что видя ево профессор и учителя подобнаго себе то- варыща за такую скороострою науку весма благодарили и в знак преимуще- ства акедром презентовали.

И тако пан Твердовски помощью и предводителством диявольским пер- венство знатной науки восприял и от всех учителей в великом предпочте- нии содержан был. По извесным и славным наукам Полской академии

¹³ К — киноварное.

¹⁴ В — киноварное.

обучались два французского короля сына, которые надобны были родителю своему, чего ради писал склоннейше сообщение королю полскому, дабы при одном добром учителе отправлены были во Францию, за что он сие ва одолжение паметовать долженствует. Полской король, получа сообщение, тотчас призвав профессора, катерому объявил свой повелительный указ, дабы, аще кто охотою из учителей туда отправится, а не желает, тот, каво неволею выбрав достойнаго, к его разсмотрению представил. Профессор получа указ монарха своего, пришед в Академию и собрав всех учителей и студентов, объявил королевской именной указ, не желает ли кто с французскими королевичами отправится во Францию. Ответствовали учителя и студенты: «Мы высочайшее повеление монарха своего исполнить должны, однако ж при том милостиво изволил розсудить, яко мы все имеем и себя, домы отцов, матерей же и детей, и фамилию, того ради разлучатца в такое отдаленное государство весьма прискорбно есть, разве соблаговолите, каго избрать па очереди, дабы нам друг против друга какой обиды не воспоследовало». Между тем, услышав о препирательстве, пан Твердовски, которой пришед пред главнаго профессора: «Ежели моя в верность услуга моя будет его величеству полскому моему всемилостивейшему государю королю надобно будут ко приращению славы...¹⁵ стро... ие пофалы (?) Полской академи к французскому двору яко учителя отправитца желая и... совершенно окончит все те начатые ... королевича... елико возможно, старатца буду и... благоволите меня его величеству государю королю представить». Главной профессор, полагаая свою несумненную надежду на пана Твердовского, во-первых, похвалительно его все благодарили, а потом, взяв его за руку, профессор представи пред короля ... рекомендовал его: «Вашему королевскому величеству истинно сего предстова, что сия комиссия на такога чеснаго и безпорочнаго вашего величества раба без всякаго ... возможно и бояться ему ... при том в приращение славы вашему величеству в сей Полской области и принесение верных услуг своих обою все охотно отправитца во Францию ехать желает».

Король полской слышав ободренную рекомендацію и при том видит его человека искуснаго и умнаго, во-первых, пожаловал его пребогатым платьем и честно ... на ево содержания стоит ... милостивым... желанием: «Ежели он исправит свою комиссию и благополучно возвратится в свое отечество, то можеш о нас видеть такое ему будет показано удоволствование, а другим несравненное милосердие». Но против сего пан Твердовски по своей сверхумной науки всеподданейше благодарил, и потом при... благополучно со французскими королевичами, отправились в надлежащий путь. Они же его в таком страхе предпочтени содержали яко должность учительская... следуя избобренному при том в одно благополучное волношное время при весьма чувственных и зеленейших...¹⁶

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скрипиць М. О.* Повесть о Савве Грудцыне. Тексты. — Труды ОДРЛ. Т. V. М. — Л., 1947, с. 231.
2. *Vogl T.* Twardowski — der polnische Faust. Wien, 1861.
3. *Leppelmann W.* Twardowski, der polnische Faust. Münster, 1910.
4. *Goldstern J.* Twardowski, der polnische Faust. — Zeitschrift für österreichische Volkskunde. Wien, 1912, H. 1—2, S. 36—46.
5. *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, t. 2. Warszawa, 1947.
6. *Krzyżanowski J.* Polska bajka w układzie systematycznym. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, s. 228—230.
7. *Twardowski.* — In: Słownik folkloru polskiego. Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965, s. 405—407.
8. *Głogier Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana. Wyd. 2, wstęp J. Krzyżanowski, t. IV. Warszawa, 1978, s. 389.
9. *Wójcicki K. W.* Klechdy. Starożytnie podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Warszawa, 1837.

¹⁵ Многоточием здесь и далее обозначаются неразборчиво написанные буквы и слова. Текст в рукописи на этом листе полустерт.

¹⁶ Далее текст рукописи не сохранился.

10. *Wójcicki K. W.* Klechdy. Starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Wyb. i opr. R. Wojciechowskiego. Warszawa, 1972.
11. *Wójcicki K. W.* Podanie o czarnoksiężniku Twardowskim. — Tygodnik ilustrowany od 1 lipca do 31 grudnia 1862 r. Warszawa, 1862, t. VI, s. 235—237, 243—246, 256—257.
12. Podanie o czarnoksiężniku Twardowskim. — In: Józefa Ungra Kalendarz ilustrowany na rok zwyczajny 1865. Warszawa, 1864, s. 78—80.
13. *Победоносцев С.* Казимир Владислав Войтицкий. — Русский вестник, 1842, № 5—6, с. 112—136.
14. Польские народные легенды и сказки. М. — Л., 1964, с. 203—204.
15. *Mickiewicz A.* Pani Twardowska. — Dziennik literacki. Warszawa, 1821.
16. *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 1. Warszawa, 1948.
17. *Mickiewicz A.* Dzieła wszystkie. T. 1, pod red. K. Górskiego. Wrocław, 1971.
18. *Kubacki W.* Wątpliwy awans szewca. O balladzie Mickiewicza «Pani Twardowska». — In: Adam Mickiewicz. Katowice, 1958, s. 225—233.
19. *Kamiński I. N.* Twardowski na Krzemionkach. Krotowhila czarodziejska we 3 aktach, z powieści gminnej dla Teatru lwowskiego w kwietniu 1825 napisana... Wyst. Lwów, 1825. (Рукопись Библ. Осолоньских, № 4666/III).
20. *Kraszewski J. I.* Mistrz Twardowski. Powieść z podań gminnych. — Tygodnik literacki. Warszawa, 1839, № 28.
21. *Kraszewski J. I.* Mistrz Twardowski. Wilno, 1840.
22. Zbiór powieści J. I. Kraszewskiego. T. 62—63. Lwów, 1879.
23. *Kraszewski J. I.* Mistrz Twardowski. Warszawa, 1955 (2 wyd. — 1957).
24. *Korsak J.* Twardowski Czarnoksiężnik. — In: Nowe poezje. Dzieła, T. 2. Wilno, 1840.
25. *Zieliński G.* Czarnoksiężnik Twardowski. Warszawa, 1856.
26. *Szujski J.* Pan Twardowski. — Dziennik literacki. 1862, № 8—10; 1866, № 39—41.
27. *Szujski J.* Pan Twardowski. — Tygodnik ilustrowany. Warszawa, 1866, № 371, 373.
28. *Szujski J.* Pan Twardowski. Kraków, 1866.
29. *Szujski J.* Pan Twardowski. — In: Dzieła. Wyd. zbiorowe. Seria I. T. 1. Kraków, 1885.
30. *Matuszewski I.* Dyabeł w poezji. Historia i psychologia postaci uosabiających zło w literaturze pięknej wszystkich narodów i wieków. Studium literacko — porównawcze, wyd. 2. Warszawa, 1899, s. 249—250.
31. *Groza A.* Twardowski. Misterium z podań narodowych. Cz. 1—2. Brody, 1873.
32. *Staff L.* Mistrz Twardowski. Pięć śpiewów o czynie. Lwów, 1902.
33. *Staff L.* Pisma. T. 3, wyd. 2. Warszawa, 1931.
34. *Staff L.* Wiersze zebrane. T. 1. Warszawa, 1955.
35. *Staff L.* Poezje zebrane. T. 1. Warszawa, 1967.
36. *Boruski A.* Sławny mistrz czarnoksiężnik. Stevens Point, Wisconsin, 1915.
37. *Zubrzycki J.* Mistrz Twardowski — białoksiężnik polski. Prawda z podań, s. I. 1928, 407 s.
38. *Алексеев М. П.* К сказаниям о пане Твардовском в русской литературе. — В кн.: Литература. Компаратистика. Folklor. Księga poświęcona J. Krzyżanowskiemu. Warszawa, 1968, s. 870—888.
39. Славяно-романо-германские параллели. 2. К сказаниям о пане Твардовском в русской литературе. — В кн.: Славянские литературные связи. Л., 1968, с. 186—194.
40. *Каченовский М. Т.* Предисловие в кн.: Гулак-Артемовский П. П. Твардовский. Малороссийская баллада. — Вестник Европы. СПб., 1827, ч. 125, № 6 (апрель), с. 121.
41. *Попов П. М.* Перший збірник українських народних пісень. — В кн.: Українські пісні видані М. Максимовичем. Фотокопія з видання 1827 р. Підг. вид. і розвідка члена-кор. АН УРСР П. М. Попова. Київ, 1962, с. 317.
42. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827, с. 1—9.
43. *Maciejowski W. A.* Sowizrał i Twardowski. — Biblioteka warszawska. Warszawa, 1841, t. III, s. 1—49.
44. *Maciejowski W. A.* Polska a Ruś aż do połowy XVII w. T. IV. Warszawa, 1842, s. 392.
45. Етнографічний збірник Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 2. Львів, 1902, с. 203.
46. *Левшин В. А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие, оставшиеся чрез сказывание в памяти приключения. Ч. 1. М., 1780, с. 178—248.
47. *Радищев Н. А.* Альоша Попович, богатырское песнотворение. Ч. 1. М., 1801, песнь вторая, с. 72—73; песнь третья, с. 88—102.
48. *Сиповский В. В.* Руслан и Людмила. — В кн.: Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб., 1908, с. 59—84.
49. *Загоскин М. Н.* Пан Твардовский. — Библиотека для чтения. СПб., 1834, т. 3, отд. 1, с. 63—128.
50. *Загоскин М.* Повести, в двух частях. Ч. 1. М., 1837, с. 43—79.
51. *Загоскин М. Н.* Полн. собр. соч., т. 10. СПб., 1898, с. 129—167.
52. Твардовский. Малороссийская баллада. Соч. Петра Гулак-Артемовского. СПб., 1827.
53. *Озрименко П. П.* Творческие переработки баллады «Пани Твардовская» Адама Мицкевича в украинской и белорусской литературе первой половины XIX в. — Уч. зап. Гомельского пед. ин-та, вып. 3. Минск, 1956, с. 89—97.

54. Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955. Библиографические матер. Сост. Я. Л. Левкович. М.—Л., 1955.
55. *Юрченко А. С.* Адам Мицкевич в украинских переводах.— Автореф. диссе. соискание уч. степ. канд. филол. наук. Харьков, 1967.
56. Твардовский. Повесть, взятая из польских народных преданий Иосифа Иг Крашевского.— Репертуар и пантеон театров. СПб., 1847, т. I, с. 59—102; с. 1—74.
57. *Крашевский И. И.* Пан Твардовский. СПб., 1859.
58. *Крашевский И. И.* Пан Твардовский. СПб., 1884.
59. *Погорельский И.* Пан Твардовский. М., 1909.
60. *Погорельский И.* Пан Твардовский. М., 1914.
61. *Боричевский И.* Пан Твардовский. Повесть польская.— В кн.: Повести и ния народов славянского племени. СПб., 1840, с. 19—25.
62. *Естигнеев М.* Пан Твардовский, польский колдун. Повесть, составленная родным преданиям и легендам. М., 1868.
63. *Естигнеев М.* Жизнь и приключения пана Твардовского, польского колдун 1892.
64. Пан Твардовский или колдун XVI века, легенда из народных польских пред рассказов. М., 1895.
65. Пан Твардовский или колдун XVI века. Старинное польское предание. И СПб., 1905.
66. *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранног изводства XVII—XX века. М., 1959, с. 60.
67. *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — XX века. М., 1978, с. 42 (№ 654).
68. *Розов В. А.* Повесть о Савве Грудцыне.— Университетские издания. Киев. № 3, с. 1—7.
69. *Розов В. А.* Повесть о Савве Грудцыне.— Сборник статей в честь Н. П. Дашк Киев, 1906, с. 234—241.
70. *Bittner K.* Die Faust-Sage im russischen Schrifttum. Prag, 1930, S. 63—81.
71. *Górnicki L.* Dworzanin polski. Kraków, 1566.
72. *Górnicki L.* Dworzanin polski. Opr. R. Pollak. Wrocław, 1954.
73. *Krzyżanowski J.* Dwa żarty Gonelli w «Dworzanie polskim». — In: Krzyżanow Paralele, wyd. 2. Warszawa, 1961, s. 40—50.
74. *Wojcicki K. W.* Do redaktora «Tygodnika ilustrowanego». — Tygodnik ilustr Warszawa, 1864, t. IX, № 235, s. 119—120.
75. *Kuchta J.* Historyczność postaci Twardowskiego wedle źródeł. Lwów, 1928.
76. *Kuchta J.* Zabytki i tradycje historyczne po Twardowskim. Lwów, 1930.
77. *Czubryński A.* Mistrz Twardowski. Studium mitogenetyczne. Warszawa, 1930.
78. *Świeżawski E.* Do studiów nad podaniem o Twardowskim.— Biblioteka warsz Seria V. Sierpień. T. III, z. 8. Warszawa, 1875, s. 205—225.
79. *Bandtke J. S.* Historia Biblioteki i Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków,
80. *Naramowski A.* Facies rerum Sarmaticatum, lib 1. Warszawa, 1734, p. 28.
81. *Maczyński J.* Czarnoksiężka księga Twardowskiego w Bibliotece Jagiellońskiej. Krakowie.— Czas, 1856, № 30.
82. *Sinko T.* Krakowska «Księga Twardowskiego». Legenda bibliograficzna.— D literacki do «Czasu», 1921, № 295, 25 grudnia.
83. Русские повести первой трети XVIII века. Исследование и подг. текстов Г. исеевой. Л., 1965.
84. Полное собрание законов Российской империи, т. VII, № 443. Регламент Академ наук от 7 декабря 1725 г. Материалы для истории Академии наук.— Летопиской литературы и древности. Т. V. М., 1863, с. 5—6.
85. Похождения нового увеселительного шута и великаго в делах любовных Совесть-Драла, Большого носа, ч. III. СПб., 1789, с. 223.